

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОБРАЗА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА»
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.**

Иманова Севиндж Ингилаб кызы, сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Тюрко-славянские связи», Бакинский славянский университет, AZ-1014, Республика Азербайджан, г. Баку, ул. С. Рустама, 25.

В статье рассматривается проблема функционирования образа «маленького человека» в русской литературе первой половины XIX в. на основе созданных в этот период произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: гуманизм, маленький человек, любовь, проблема.

**FUNCTIONING OF THE IMAGE OF “THE SMALL PERSON”
IN RUSSIAN LITERATURE OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY**

Imanova Sevindh Ingilab kizi, employee of research laboratory «Tyurko-slavyansky languages», Baku Slavic university, AZ-1014, Republic Azerbaijan, Baku, S. Rustam St., 25.

The problem of “the little man” is one of the main problems, touching upon in the Russian and world literature in XIX century. It is fact, the writers didn't go beyond this problem in XIX century, and this problem was reflected in some writer's activities from time to time. It mentions that these plays are highly appreciated by readers. This problem is considered in A.S. Pushkin, N.V. Gogol and F.M. Dostoyevsky's creativity.

Key words: humanism, the little man, love, problem.

В русской литературе первой половины XIX в. проблема «маленького человека» была одной из ведущих. Образ «маленького человека» зародился еще в литературе XVII в. («Повесть о Фроле Скобееве»), затем развивался в повести XVIII в. («Бедная Лиза») и приобрел особую популярность в творчестве писателей «натуральной школы» (Ф.М. Достоевский, И.И. Панаев, Е.П. Гребенка, И.С. Тургенев, А.Д. Галахов, С.П. Победоносцев, Я. Бутков, М.Е. Салтыков-Щедрин и др.). Это было связано, во-первых, с гуманизацией литературы, ее интересом к человеку как таковому независимо от его социального значения, во-вторых, с утверждением реалистического метода в русской литературе, изображавшего человека как социально обусловленное явление. Исследование этой проблемы в ее диалектике от А.С. Пушкина к Ф.М. Достоевскому способствует раскрытию главных тенденций развития не только темы «маленького человека», но и русской литературы первой половины XIX в.

На сегодняшнее время стало аксиомой то, что непризнанная критикой первой трети XIX в. проза А.С. Пушкина, бесспорно, послужила краеугольным камнем в построении нового типа («маленького человека») литературного произведения, начиная с «Повестей Белкина». Пожалуй, только Пушкину впервые удалось достигнуть такой высокой жизненной и художественной правдивости. Тысячи простых людей, не находивших или не узнававших себя в литературных произведениях того времени, наконец-то увидели свой подлинный портрет, свою собственную жизнь, изображенную с необыкновенной «натуральностью». Согласимся с утверждением В.С. Белькинда, что «...пушкинский цикл основан на новом видении мира и на новом понимании места человека в нем» [1, с. 121]. Весь цикл проникнут просвещенно-дворянским гуманизмом. С наибольшей силой пушкинский гуманизм раскрылся в произведении «Станционный смотритель», в котором писатель продолжает на совершенно новой основе разработку образа «маленького человека», начатую еще сентименталистами («Бедные люди» Карамзина).

Речь в произведении идет о семье чиновника 14 класса Самсона Вырина. Здесь мы находим определенную гармонию социального и гуманитарного начал в изображении образа «маленького человека». Вырин и его несчастье – это не чисто социаль-

ное и не чисто человеческое явление, а то и другое одновременно. То же касается и гармонии лирического и сатирического начал.

В конце творческого пути А.С. Пушкин вновь обратился к теме «маленького человека» в поэме «Медный всадник». Ни одно из его произведений не вызвало столько толкований и полемики, как эта «петербургская повесть»: на протяжении двух столетий взгляды на это произведение иногда сближались между собой, а большей частью оказывались взаимоисключающими. Впрочем, даже у взаимоисключающих толкований в основе лежало существенно общее: в них противопоставлялись одни и те же образы поэмы – Петра I и Евгения, рассматриваемые как некие символы и обобщения, на противопоставлении и конфликте которых конструировалась художественная структура пушкинского произведения.

Ряд исследователей, например, Г.А. Гуковский и Г.П. Макогоненко, видели в лице Евгения «маленького человека», поднявшего бунт против социальной несправедливости, другие, например, Г.Г. Красухин, были против отнесения Евгения в ряд «маленьких людей» типа Акакия Башмачкина.

Любое подлинно художественное произведение порождает множество вопросов. Так, в истории русской литературы «Медный всадник» фигурирует как поэма, тогда как автор назвал свое творение «петербургской повестью». И хотя главным героем этой повести является Евгений, однако автор назвал произведение не его именем. Представление поэта о внутреннем потенциале человека пришлось воплотить не в литературном герое, а в художественном символе – Медном всаднике. Именно этому символу Пушкин противопоставил Евгения. Бедность внутреннего потенциала «маленького человека» – главная причина его неукорененности в бытии, шаткости его положения в мире. Любые испытания, выпавшие на долю такого человека, способны были потрясти до основания весь его жизненный уклад. Вот почему и в «Станционном смотрителе», и в последней самой маленькой, но значительной по своей проблематике поэме «Медный всадник» «маленький человек» вошел в русскую литературу как подлинный драматический герой. Это персонаж, чья судьба предрешена его социальной ничтожностью. Перед нами – тотальная катастрофа личности. Как отмечал А. Македонов, «катастрофа рождает сомнение маленького человека в самом смысле жизни, в самой "разумности" судьбы человека... Это отчаяние может перейти в "бунт", обличение ("ужо тебе!"), но программы бунта нет» [6, с. 87].

Отметим, что именно А.С. Пушкин первый связал образ «маленького человека» с темой бунта, сохраняя при этом сочувственное отношение к «маленьким людям», признавая и защищая их права на личное счастье.

Тема «маленького человека» в поэме Пушкина поднимается на новую высоту по сравнению со «Станционным смотрителем». Вместо человека жалкого, обреченного, не способного защитить свои отцовские права на родную дочь, появляется герой, отважившийся выступить против верховной власти. Во всем остальном он остается таким же: бессильным и неспособным что-либо изменить в существующем положении вещей.

Тема «маленького человека», появившаяся в произведениях А.С. Пушкина, развивается и в творчестве Н.В. Гоголя, но уже в резко выраженном социальном аспекте. Цикл «Петербургских повестей» (как и «Повести Белкина») состоит из пяти повестей, и так же, как и «Повестям Белкина» подход литературной критики к ним был неоднозначным. Речь в основном пойдет, конечно же, о «Невском проспекте» и о «Шинели». Односторонне подходили к повестям Гоголя и революционеры-демократы, и враждебные им лагеря. Одни старались не замечать и всячески игнорировать религиозность писателя, другие, в лице Ф. Булгарина, С. Шевырева и других, были против изображения «низкой действительности». В. Майков, как и В.Г. Белинский, признавал Гоголя «поэтом по преимуществу социальным» [5, с. 325]. Этой же линии придерживались В.В. Гиппиус, М.Б. Храпченко, А.Г. Цейтлин, Г.П. Макогоненко и др.

Вспомним, что в «Невском проспекте» два главных героя, совершенно противоположных по характеру: художник Пискарев и поручик Пирогов. Друзья гуляют по знаменитому Невскому проспекту и встречают двух молодых женщин: брюнетку и

блондинку. Пискарев идет за брюнеткой, а Пирогов – за блондинкой. Обе они прекрасны, но отношение героев к красавицам неодинаковое. Пирогов видит в красивой женщине только женщину. Красавица, которую он преследовал, оказалась женой сапожника. Пирогова избивают, оскорбляют, выгоняют, и он в скором времени все забывает, как будто ничего и не произошло. Это чисто внешний, плотский, социальный аспект бытия.

Есть и другой аспект – нравственно-духовный. Он показан через изображение судьбы Пискарева. Художник идет за своей красавицей, смотрит на нее и любит ее без всяких низменных целей. Среди мертвенной толпы, среди мундиров и юбок, гуляющих по Невскому проспекту, он нашел живую красоту, идеал, которому можно поклониться. Такая красота делает честь человеку, она говорит о человеке как о возвышенном творении. Когда красавица оглядывается на него и улыбается, то ему кажется, что не только он, но и весь мир становится лучше, светлее и краше. Но когда художник узнает, что красота эта воплощена в падшей публичной женщине, то восхищение ею покидает его. Идеал потеряян, и герой погибает. Безыдеальный мир становится виновником его трагедии. Пирогов не понял бы трагедии Пискарева. Один занят внешним видом мира, другой – его внутренней сущностью. Человеку, ищущему в мире вещей и мертвой формы душу, идеал красоты, трудно жить в таком мире, как Петербург. Здесь человек может жить и существовать, только опустившись до уровня бездушной вещи, как это делал Акакий Башмачкин – знаменитый герой повести «Шинель». Акакий Акакиевич – преданный и добросовестный работник. Он с трепетом относится к своей работе, но только до появления идеи новой шинели, оказавшейся для него роковым соблазном. «Маленький человек» начал грешить, и был за это наказан. Нагло и бесцеремонно забирают у него шинель. Довольно жестокая расплата за те немногие удовольствия, которые позволил себе Акакий Башмачкин.

Следует отметить, что в последнее десятилетие XX в. вышли работы, в которых предметом исследования становилось религиозное мировоззрение Н.В. Гоголя. В 1980–1990-е гг. в таком контексте писали о Гоголе Е.И. Анненкова, И.И. Агаева, В.А. Воропаев, И.А. Виноградов, М.М. Дунаев и др.

Предметом изучения вышедшей в 2000 г. монографии А.И. Иваницкого «Гоголь. Морфология земли и власти» также стала «культурная антропология «маленького человека» Нового времени, отраженная Гоголем и воплощенная в его «архисюжете» («золотой век») [3, с. 5]. В отличие от В.В. Розанова, писавшего, что о Гоголе, что этот «гениальный художник всю свою жизнь изображал человека и не мог изобразить его души» [7, с. 53], Иваницкий справедливо утверждает, что все изображаемое писателем – именно его душа.

Несправедливо было бы с нашей стороны согласиться с мнением Розанова по поводу того, что «ни в одном произведении Гоголя нет развития... ничто не движется» [7, с. 53], тогда как Гоголь только ему присущим языком раскрывает ничтожество всего: и коллег Башмачкина, и «значительного лица», – в общем, всю суетность жизни. К замечанию Ф. Достоевского о том, что «Гоголь... берет прямо целое...», следует добавить, что «маленький человек» Гоголя смотрит на мир, окружающий его, снизу вверх, и он разрастается в его глазах до невероятного масштаба, и потому так «страшно!» Лишь в комплексном подходе к творчеству писателя можно увидеть это «движение», а в отдельно взятом произведении не каждый это заметит. Акакий Башмачкин – частица целого в изображении типа «маленького человека». На протяжении всей творческой деятельности, от героев первых произведений вплоть до Чичикова, Гоголь развивает характер «маленького человека».

Своеобразие авторской позиции Гоголя в том, что она не выражается в конкретной видимой форме через изображение положительного идеала. Авторская позиция писателя выражается опосредованно, через отрицание и высмеивание всего уродливого в жизни и в человеке, противостоящего высокому авторскому идеалу. Путь к идеалу Гоголь видит в уничтожении всего антиидеального, в уничтожении через смех и высмеивание.

Решать задачу, поставленную А.С. Пушкиным и Н.В. Гоголем, пришлось и Ф.М. Достоевскому. Если доминирующим принципом в творчестве А.С. Пушкина была гармония социального и нравственного начал, а у Н.В. Гоголя – социальное начало доминирует над нравственным, то у Ф.М. Достоевского преобладает нравственный аспект. Н.В. Гоголь и Ф.М. Достоевский доводят до абсолюта одну из двух сторон пушкинской темы «маленького человека».

Если в «Станционном смотрителе» А.С. Пушкин сознательно отказывается от какого бы то ни было морализирования, предоставляя публике самой оценить ход событий, а Н.В. Гоголь в «Шинели» местами проявляет нравственное негодование, то Ф.М. Достоевский в «Бедных людях» оставляет право анализировать социальные явления непосредственно за своими героями.

Своеобразие раскрытия темы «маленького человека» у Достоевского заключается в том, что его Макар Девушкин в отличие от Самсона Вырина и Акакия Башмачкина – человек мыслящий, думающий о месте человека в обществе, осознающий свое положение в бюрократическом мире, но не теряющий свое нравственное, человеческое достоинство и духовное богатство. Самсон Вырин как отец любил свою дочь, Акакий Башмачкин как чиновник полюбил свою новую шинель, Макар Девушкин как человек любит такого же незащищенного и бедного человека, как он сам – Варвару Доброселову – любит бескорыстно и беззаветно, любит по долгу не отца или брата, а человека и христианина. Любовь – это тоже новое слово Достоевского. Именно любовь к Варваре возрождает Девушкина к новой жизни, к новому сознанию, к тому, что он такой же человек, как и все, а может, и лучше других.

В «Бедных людях» Достоевский сталкивает две позиции, два отношения к «маленькому человеку» – пушкинскую и гоголевскую, а сам он больше симпатизирует Пушкину. Подтверждение этому – эпизод, когда Девушкин, прочитав «Станционного смотрителя» Пушкина и «Шинель» Гоголя, пишет о своих впечатлениях Варваре. Для него «Шинель» Гоголя – это «злонамеренная книга», ибо не может быть такого чиновника, как Акакий Башмачкин, а о «Станционном смотрителе» он отзывался с одобрением и любовью, видел в его герое себя.

Из этого отношения Девушкина к двум произведениям о «маленьком человеке» становится ясно, по какому пути пойдет автор «Бедных людей», в каком аспекте он изобразит характер и судьбу «маленького человека». Изображение характера Макара Девушкина начинается со способа, примененного Гоголем, то есть с социальной характеристики героя, но заканчивается произведение пушкинским способом характеристики героя, то есть изображением нравственно-этического аспекта жизни героя.

В начале романа создается впечатление, будто Ф.М. Достоевский идет по тому же самому пути социальной характеристики «маленького человека», по которому шел автор «Шинели». Отношение окружающих к Макару Девушкину такое же, как и к Акакию Акакиевичу. Создается впечатление, что Девушкин – такая же стертая, ничтожная личность, «мертвая душа», как и Башмачкин. Но в дальнейшем становится ясно, что герой Достоевского сильно отличается от героя Гоголя, во-первых, сознанием своего положения, во-вторых, наличием глубоко духовных, нравственных качеств, способности переживать, страдать и сострадать несчастью ближнего. Девушкин живет заботой о других, хотя не меньше других нуждается в сострадании, тогда как Акакий Акакиевич ни о ком другом не заботится и не имеет на это ни возможности, ни способности. Его заботят переписывание и желание приобрести себе новую шинель.

Если в «Бедных людях» Ф.М. Достоевский раскрыл разные аспекты бедности, показал тонкие психологические моменты, то в «Двойнике» основная цель писателя – выявить бедность и слабость души «маленького человека». Если в первом романе «деятельность героя встречает... сопротивление со стороны внешнего мира, то в "Двойнике" – главным образом со стороны внутреннего, нравственного мира» – отмечает М.К. Коджаев [4, с. 93].

Внешнее сходство героев еще не говорит об их внутренней близости. Хотя Макар Девушкин ставит себя ниже других, считает себя необразованным, он вовсе не глуп. Он способен на романтические чувства, на самоотверженную любовь, тогда как

Голядкин – антиромантический герой (как Башмачкин) и в своей претензии на руку Клары Олсуфьевны Берендеевой смешон и жалок.

«Если в безуспешных стремлениях Макара Девушкина к добру, – пишет М.К. Коджаев, – выразились законные требования природы, ее поправное право на жизнь, то в карьеристских претензиях Голядкина выявились потребности социального бытия героя в чиновно-бюрократическом обществе» [4, с. 54].

Яков Голядкин потерпел поражение в борьбе с собственными амбициями. В случае с ним «маленький человек», по точному определению И.И. Глуховской, из «идеального, высоко трагического» [2, с. 178] перерастает в трагикомическое. Макара Девушкин пришел в отчаяние не из-за своих проблем, а по той причине, что был не в силах помочь ближним. Человек возродится не иначе, как через любовь к ближнему, через заботу о ближнем, через жизнь во имя ближнего. И мир возродится через любовь и через любящих друг друга людей. Такова была главная идея всего творчества Ф.М. Достоевского.

«Маленький человек» по сей день остается загадкой без отгадки и шедевром русской словесности.

Список литературы

1. Белькинд В. С. Принцип циклизации в «Повестях Белкина» А.С. Пушкина / В. С. Белькинд // Вопросы сюжетосложения. – Рига : Звайгзне, 1974. – С. 118–128.
2. Глуховская И. И. «Сентиментальный натурализм» в русской литературе 40-х годов XIX века (проблема метода) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. И. Глуховская. – Калинин, 1984. – 211 с.
3. Иваницкий А. И. Гоголь. Морфология земли и власти / А. И. Иваницкий. – Москва : РГГУ, 2000. – 185 с.
4. Коджаев М. К. Концепция характера в творчестве Ф.М. Достоевского (1846–1872) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. К. Коджаев. – Баку, 1990. – 401 с.
5. Майков В. Н. Критические опыты (1845–1847) / В. Н. Майков. – Санкт-Петербург : Типография Н.А. Лебедева, 1889. – 736 с.
6. Македонов А. Гуманизм Пушкина / А. Македонов // Литературный критик. – 1937. – № 1. – С. 63–100.
7. Розанов В. В. Мысли о литературе / В. В. Розанов. – Москва : Современник, 1989. – 607 с.

References

1. Bel'kind V. S. Princip ciklizacii v «Povestjah Belkina» A.S. Pushkina // Voprosy sjuzhetoslozhenija. – Riga : Zvajgzne, 1974. – S. 118–128.
2. Gluhovskaja I. I. «Sentimental'nyj naturalizm» v russkoj literature 40-h godov XIX veka (problema metoda) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Kalinin, 1984. – 211 s.
3. Ivanickij A. I. Gogol'. Morfologija zemli i vlasti. – Moskva : RGGU, 2000. – 185 s.
4. Kodzhaev M. K. Koncepcija haraktera v tvorcestve F.M. Dostoevskogo (1846–1872) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Baku, 1990. – 401 s.
5. Majkov V. N. Kriticheskie opyty (1845–1847). – St.-Petersburg : Tipografija N.A. Lebedeva, 1889. – 736 s.
6. Makedonov A. Gumanizm Pushkina // Literaturnyj kritik. – 1937. – № 1. – S. 63–100.
7. Rozanov V. V. Mysli o literature. – Moskva : Sovremennik, 1989. – 607 s.

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ТВОРЧЕСТВА ПОЭТОВ-ИМАЖИНИСТОВ

Исаев Геннадий Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: kafruslit@mail.ru.

В статье рассматривается вопрос о генезисе эстетической программы и творчества поэтов-имажинистов (В. Шершеневич, А. Мариенгоф, С. Есенин, А. Кусиков и др.). На основе анализа манифестов, заявлений и других текстов имажинистов дока-